

УДК947.808.4

**КОМПРОМЕТАЦІЯ РЕЛІГІІ І ЦЕРКВІ ПАРТЫЙНЫМИ
І ГОСУДАРСТВЕННЫМИ СТРУКТУРАМИ: ЗАДАЧІ І ДОСТІЖЕННЯ (1917-1941 гг.)****канд. ист. наук, доц. И.И. ЯНУШЕВИЧ
Белорусский государственный университет, Минск**

На основании архивных материалов проведен анализ мероприятий партийных и государственных структур по борьбе с религиозностью населения. Установлено, что с целью достижения максимального пропагандистского эффекта информация о религии и церкви преподносилась исключительно негативная, указывающая на вредность подобных институтов в современном обществе. Исследование той или иной религии было определено как временное явление подлежащее уничтожению в ближайшей перспективе. Показаны содержание, формы и методы организации административного сопровождения антирелигиозных мероприятий. Определены наиболее важные программные установки по борьбе с религиозностью населения и предполагаемые результаты подобной деятельности. Материалистические установки марксизма-ленинизма не могли стать достаточным материалом для непосредственной работы с людьми. Уточнены механизмы доведения идеологических установок руководящей партии до граждан. Раскрыты причины слабой эффективности проводимых в республике мероприятий.

Ключевые слова: антирелигиозная работа, Православная церковь, материалистическое мировоззрение.

В ноябре 1917 г. к власти в Российской империи пришла новая политическая сила, в программных документах которой построение безрелигиозного общества являлось одним из важнейших условий. Для удержания власти большевикам необходимо было сформировать систему мер по минимизации военно-стратегических, экономических и пропагандистских возможностей своих оппонентов, количество которых значительно превышало число сторонников. Массовые репрессии и отъем собственности дополнялись активной агитационно-пропагандистской работой. Именно навыки и достижения в которой и стали во многом залогом успеха октябрьского переворота в Петрограде. Способность убежденно говорить о том что хотели слушать люди в условиях оппозиционной деятельности качественно отличались от того чего ожидали от властимущих. Умение проводить подмену понятий и постоянный поиск причин для критики оппонентов привели большевиков-антирелигиозников к мысли о том, что дискредитация религии и церкви является самым эффективным и безопасным способом борьбы с ними. Для осуществления и оправдания антирелигиозной политики в стране с незначительным количеством существующих и потенциальных атеистов необходимо было подвести обоснование. Принято считать, что идеологической основой стал материализм или, как потом была названа его высшая форма, «научный атеизм». Практика показала, что при непосредственном продвижении безбожья в массы требовалось нечто более понятное и доступное потенциальным объектам «переделки на атеистические рельсы».

Задача перед исполнителями стояла чрезвычайно сложная. Несмотря на нигилизм, увлечение окултно-мистическими практиками и радикальными политическими идеями, российское общество оставалось весьма религиозным: «Христианство в его православном исповедании определило всю систему ценностных ориентаций русского человека, общественную, хозяйственную, этическую и другие стороны жизни» [1, с. 168]. Русская Православная Церковь являлась стратегическим идеологическим противником большевиков в их претензии на право влияния на мировоззрение населения. В самом деле, наблюдался процесс «противоборства господствующей псевдорелигии со всеми остальными религиозными течениями» [2, с. 317]. Необходимо было расчищать площадку для строительства человека нового типа. И здесь мы наблюдаем скорее закономерность, чем парадокс: «Советская государственность, хотя и провозгласила де-юре отделение (Церкви – авт.), однако де-факто она является единственным в мире профессиональным государством, в котором господствующей религией является воинствующий атеизм коммунистической секты» [3, с. 343].

Теоретическая основа вопроса нарабатывалась столетиями. Построение справедливого миропорядка, в том числе при условии уничтожения религии и церкви, будоражило умы множества мыслителей, общественных и политических деятелей. Научный же интерес в соответствии с избранным исследованием представляют труды классиков марксизма-ленинизма [4] и некоторых непосредственных исполнителей, модераторов процесса обезбоживания в БССР и СССР [5]. Отличительной особенностью работ 1920–1930-х годов является то, что их труды можно относить как к исследованиям, так и источникам по изучаемой проблеме. Как ответственные за антирелигиозную деятельность во всесоюзном масштабе, авторы высказывали точки зрения, оказывающиеся определяющими в данном направлении государственной политики. В деле «разоблачения» обмана церкви наиболее преуспел Емельян Ярославский. Настоящее имя Миней Губельман – академик с четырьмя классами образования. Мастерский фальсификатор и глашатай безбожия заложил основные направления «разоблачения» религии и церкви. В предисловии к своей «Библии для верующих и неверующих» писал: «Книга эта задумана мною еще до револю-

ции. Пропагандируя учение коммунизма среди рабочих и крестьян, я очень часто наталкивался на то, что правильно воспринять учение коммунизма мешает рабочему и крестьянину религиозный дурман, окутывающий его сознание. Этот религиозный дурман напускался с самого детства, когда ребенок бессилён бороться с теми обманчивыми и подчас дикими понятиями о мире, которые вбивались, а нередко и ныне вбиваются ему в голову его воспитателями» [6, с. 17]. В вульгарной форме с ехидцей и с любованием самим собой Ярославский «ниспроверг» Библию до уровня собрания сочинений, сказок и преданий. Прimitивизм изложения был направлен на целевую аудиторию.

В заданном ключе выпускали свои произведения и иные современники и «соратники». Главной задачей было доказать нереалистичность присутствия Иисуса Христа на земле, да и существование Бога вообще. Их отсутствие делало бессмысленными религиозные праздники и обряды. Гонения Католической церкви на отдельных ученых являлись поводом для обвинений религии и церкви в отрицании необходимости проведения научных исследований. Низкий уровень развития образования в царской России объяснялся исключительно засильем церкви и преподаванием Закона Божьего [7, с. 34–37]. Источниковую базу исследования составляет делопроизводственная документация ЦК РКП(б)-ВКП(б), КП(б)Б, НВКД БССР, Центрального совета (ЦС) СВБ и Комиссии культов ЦИК СССР.

Главной задачей антирелигиозников стало привлечение в ряды материалистически настроенных граждан как можно большее количество верующих и в первую очередь из числа православных христиан. Первейшую роль в этом процессе должно было сыграть естествознание «проникнутое идеями воинствующего атеизма». В эффективности подобной деятельности в российской действительности сомневались многие, однако публично проанализировать программные установки съездов компартии мог позволить себе только И. Сталин. В октябре 1924 г. в Москве прошло совещание секретарей деревенских ячеек при ЦК РКП(б). На совещании И. Сталин неожиданно обозначил проблему: *«Иногда некоторые товарищи рассматривают крестьян, как философов-материалистов, полагая, что стоит прочесть лекцию о естествознании, чтобы убедить мужика в несуществовании бога. Они не понимают часто, что мужик смотрит на бога по-хозяйски, т.е. мужик иногда не прочь отвернуться от бога, но его часто раздрают сомнения: «а кто его знает, может бог и в самом деле существует; не лучше ли будет благоустроить и коммуниста, и бога, чтобы надежнее было для хозяйства». Кто не учитывает эту особенность психологии крестьянина, тот ничего не понял в вопросе взаимоотношения между партийным и беспартийным, тот не понял того, что в вопросах антирелигиозной пропаганды требуется осторожное отношение даже к предрассудкам крестьянина»* [8, с. 310].

И до и после этого высказывания естествознание было фактически единственным хоть в какой-то степени научным обоснованием для возможного отрицания существования Бога, но специалистов, имевших потенциал довести накопленную человечеством научную информацию до населения, было минимальное количество. Доказательство несуществования Бога нужно было такое, чтобы каждый несколько грамотный пропагандист мог донести его в самой глухой деревне. И иной формы как ложь и / или полуправда у антирелигиозников не было. Необходимо было уличить во лжи своих оппонентов, что также было делом не из простых. Процесс поиска максимально эффективных форм информационно-пропагандистского сопровождения борьбы с религиозностью населения на деле оказался чрезвычайно сложным. Фактическое содержание агитационно-пропагандистских лозунгов, материалов, всего того, что воздействовало на ум верующего и могло изменить его мировоззрение, не поддавалось какому-то серьезному научно обоснованному анализу. Имевшийся же в достатке теоретический материал не имел привязки к конкретной общественно-политической ситуации в отдельно взятой стране, а после революции 1917 г. большевикам предстояло все это осуществить в Советской России. И если в современном мире любой коммунист-атеист начинает понимать, что коммунизм – это явление более иллюзорное, чем сверхъестественные силы, то в 1920–19230-е годы необходимо было доказать обратное. Антирелигиозникам необходимо было убедить и многих своих коллег, и население в неминуемом успехе безбожия, в возможности реализации предполагаемого плана борьбы с религией и церковью в ближайшей перспективе.

При анализе работ К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина необходимо четко проводить грань между практической и теоретической значимостью их наследия. При неоспоримости важности предложенных трудов для формирования мировоззрения, основывающегося на идеях социальной справедливости, ни коем образом нельзя считать их рациональными и обязательными при рассмотрении такого комплексного вопроса, как свобода совести, предполагающего личный выбор человека. Маркс не оставляет права на этот выбор: *«Религиозное убожество есть в одно и то же время выражение действительного убожества и протест против этого действительного убожества. Религия – это вздох угнетённой твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она – дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа. Упразднение религии, как иллюзорного счастья народа, есть требование его действительного счастья»* [4, с. 8–9]. Должна была быть уничтожена сама религия, как самое «гнусное», что только есть на свете. Маркс явно понимал отсутствие возможности практического решения религиозного вопроса в какой-то осязаемой перспективе. И это могло произойти только вследствие успешного осуществления коммунистической революции, «самым решительным образом» порвавшей «с идеями унаследованными от прошлого».

Непосредственное осуществление социальной революции нашло свое воплощение в Российской империи. Установление нового строя требовало и иной политики по отношению к религии и церкви. И здесь нельзя не согласиться с Г.П. Мартиросовым, указавшим: «Начало научной программы отношения рабочей партии к религии и церкви положено Марксом и Энгельсом. Но прошедшие коренные изменения в эпоху империализма и пролетарских революций существенным образом потребовали изменения подхода к решению этой проблемы» [9, с. 8].

По объективным причинам работа по ухудшению имиджа религиозных организаций была более выполнимым условием, чем устранение, согласно марксизму-ленинизму, главной причины религиозности – «темноты и нищеты» масс: «Бороться с религиозными предрассудками надо чрезвычайно осторожно, – заявлял вождь публично, – много вреда приносят те, которые вносят в эту борьбу оскорбление религиозного чувства. Нужно бороться путем пропаганды, путем просвещения. Внося остроту в борьбу, мы можем озлобить массу; такая борьба укрепляет деление масс по принципу религии, наша же сила в единении. Самый глубокий источник религиозных предрассудков – это нищета и темнота; с этим злом и должны мы бороться» [4, с. 44]. На практике во многом благодаря тому, что некоторая часть партийцев и комсомольцев занимала активную позицию и считала религию и священнослужителей исключительно вредными и опасными для советской власти, а остальные были либо неопределившиеся, либо молчаливо несогласные с программной установкой по построению безрелигиозного общества в кратчайшие сроки, в стране преобладали резкие антицерковные атаки [4, с. 44]. Как материалист, В.И. Ленин видел в подрыве респектабельности религиозных организаций надежную основу борьбы с религиозностью.

При всем обилии поводов для критики задача эта была не из простых. Созидающее начало религии и церкви были громадны. Население, особенно старшее поколение, понимало их роль и в жизни человека, и в жизни государства. Именно духовно-нравственное значение религии определялось подавляющим большинством граждан как залог развития и существования. Для того чтобы «обгадить» религию и церковь и иметь с этого положительный пропагандистский эффект, нужен был серьезный информационный повод. Травля началась уже в 1917 г. Антирелигиозникам предстояло показать религию и церковь в таком виде, чтобы верующие от нее незамедлительно отвернулись и отказались. Несмотря на все заверения и заявления о «необходимости избегать оскорбления чувств верующих», об «осторожном отношении к религиозным «пережиткам», параллельно с официальными заявлениями шел процесс навязывания обществу мысли о контрпродуктивности наличия подобных институтов [4, с. 30–35]. Большевикам предстояло показать отрицательную роль религии и церкви во всех сферах жизни как простого советского гражданина, так и социалистического государства, да и человечества в целом. Церковь и религия должны были стать в представлении людей главным препятствием к нормальному существованию, а носители религиозных верований как отщепенцы, сознательно губящие не только свою жизнь, но и близких людей. В семейно-бытовом плане религия должна была ассоциироваться с запретом на медицинское обслуживание, со сдерживающим фактором распространения агрономических знаний [11, с. 8]. Наука и образование выставлялись как антиподы религиозным верованиям. Религиозные праздники обозначались вредительством народно-хозяйственной деятельности и в первую очередь бюджету отдельно взятой семьи. Предстояло очернить священнослужителей в алчности, в сопротивлении построения нового светлого будущего [12, с. 25].

Важным и эффективным в борьбе с религиозностью населения, по мнению большевиков-антирелигиозников, было разоблачение сверхъестественных сил. К. Маркс указывал что религия «превращает фантастическую действительность в человеческую сущность», а «упразднение религии, как иллюзорного счастья народа, есть истинное требование его действительного счастья» [4, с. 8]. В.И. Ленин предельно критично высказался, что Бог «есть (исторический и житейский) прежде всего комплекс идей, порожденных тупой придавленностью человека и внешней природой, и социальным гнетом ...» [4, с. 33]. Большевики провозгласили себя исполнителями миссианской роли по выводу человека из темноты к свету. Назвав «идею бога» «идею рабства (худшего, безысходного рабства)» В.И. Ленин подверг сомнению способность абсолютного большинства людей «на критическое восприятие действительности» [4, с. 35]. Первые же действия агитационно-пропагандистского характера по «разоблачению» этой «тупости» показало неосведомленность и некомпетентность самих «выкрывателей» [13, с. 69–87].

Власти надеялись на достаточно быстрый отход населения от религии. Внешне процесс секуляризации российского общества до революции представлялся весьма динамичным и устойчивым к своему дальнейшему развитию при наличии благоприятных условий. По словам одного из рационализаторов политики уничтожения религии и церкви П.А. Красикова, «русский крестьянин, находясь даже во власти религиозных предрассудков обрядовой религии, настолько не уважает попа и его сословие, что в России нет ни одного сословия, о котором бы даже темный рабочий или крестьянин был столь низкого мнения, как о сословии попов и монахов» [14, с. 19]. Мнение на то время фактически главного большевистского специалиста по данному вопросу, после Л.Д. Троцкого и В.И. Ленина, безусловно, не отражало реальную действительность, но определяло взгляды многих партийных деятелей. Руководство страны предполагало, что если добавить в эту сложную систему взаимоотношений верующих с клиром компромат, разоблачающий важнейшие стороны организации церковно-приходской жизни, то процесс отхода от религии значительно ускорится. Параллельно с официально декларируемой широкой научно-просветительской работой в 1919 г.

в стране начинается широкомасштабная операция по уничтожению мощей святых праведников. Следует отметить, что «разоблачения» начались еще в 1918 г. и не совсем удачно. Объявленная в прессе информация об обнаружении вместо останков Александра Свирского восковой куклы не была подтверждена местным священником, через несколько дней расстрелянным [13, с. 70]. Вскрытие мощей В.И. Ленин рассматривал как эффективный пропагандистский ход: «Показать, какие именно были «святости» в этих богатых раках и к чему так много веков с благоговением относился народ, этого одного достаточно, чтобы оттолкнуть от религии сотни тысяч людей» [15, с. 122]. Он же потребовал «проследить и проверить, чтобы поскорее показали» кино о вскрытии мощей Сергия Радонежского в Чудовом монастыре Московского кремля [16, с. 279].

Следовало организовать и информационно-пропагандистское сопровождение в виде резолюций с мест «раскрывающих многовековой обман церковников»: «Да погибнут темные силы, оскверняющие дело протариата», «Да здравствует наука и просвещение на пользу светлого будущего человечества» [17, л. 16-17]. Обоснование необходимости «полной ликвидации мощей, опираясь на революционное сознание трудящихся масс, избегая при этом всякой нерешительности и половинчатости при проведении своих мероприятий» нашло свое отражение в постановлении Народного комиссариата юстиции от 25 августа 1920 г. «О ликвидации мощей»: «Революционное сознание трудящихся масс протестует против того, чтобы мумифицированные трупы или останки трупов, или имитация трупов в Советской России могли быть представляемы для эксплуатации масс церковным организациям в их свободное распоряжение, в нарушение самих элементарных порядков общежития и к оскорблению чувств всех сознательных граждан» [18, с. 75]. Крайняя озабоченность психическим и нравственным здоровьем населения наркомата юстиции не выдерживает никакой критики. Стремление к манипулированию взглядами населения наталкивалось на полное несоответствие с реальной действительностью. Мощи находились в богослужебном помещении, не посещая которое не верующий не мог подвергнуться «обману», а верующий и по советским законам имел право выбора и заставить его поклоняться мощам или ставить перед ними свечу никто не мог [19, с. 172]. Ни у кого не было права и запретить это. В письме патриарха Тихона председателю ВЦИК М.И. Калинину от 9 августа 1920 г. говорится о кампании, как о «неприкрытом вмешательстве государства во внутренние дела Церкви»: «...Как известно, почитание святых и Их останков (мощей) и приношение Богу жертвы путем возжигания восковой свечи являются древними обрядами Православной и Римско-католической Церквей, непосредственно относящимися к области культа. Исходя из присущего будто бы всем мощам признака нетления VIII отдел Народного комиссариата юстиции, в лице бывшего священника Спас-Колтовской церкви Галкина и бывшего ходатая по бракоразводным делам Шпицберга, занялся ревизованием мощей Православной Русской Церкви, вскрывая раки и гробницы с останками признанных Церковью Святых, а когда нашел наконец мощи святых Виленских мучеников, удовлетворявшие выставленному ими признаку нетления, то в возбужденном судебном процессе старался доказать неправильность церковной канонизации Виленских угодников.

Мощи, канонизация, восковые свечи – все это предметы культа. И ныне ради попираемой идеи свободной совести приходится взывать к власти имущим в РСФСР, как обратился когда-то Донат к Константину Великому со словами: «Какое дело государству (особенно атеистическому) до Церкви» [19, с. 170].

Другой вопрос, что властей больше интересовало поступление средств от паломников, жертвователей, прихожан. Получение денег путем сборов, продажи свечей, масла, воды было естественным для религиозных организаций, как и для всех других, с целью выполнения своих уставных задач. Однако еще более значимой для Церкви была опасность потери мощей как главного условия существования христианского храма и возможности совершения Божественной литургии. Вышеназванный Галкин не мог не знать это.

Кампания эта должна была носить «глубокий пропагандистский подтекст». Комиссары, поверхностно разбираясь в культе почитания мощей православных угодников Божьих, надеялись с помощью «развешивания мифа о нетленности останков» показать их земное происхождение и тем самым скомпрометировать Церковь. Отсутствие нетленности мощей должно было расставить все точки над «I» в этом вопросе. Подобная уловка не несла в себе предполагаемой смысловой нагрузки по причине того, что культ мощей рассматривался верующими не только как материальная сохранность останков тела, а и как явление духовное. Редкий приход, в основном монастыри, обладал мощами или чудотворной иконой. В подавляющем большинстве храмов имелись только ковчеги-мошевики или частички останков святых. Оценка в эффективности ответственными антирелигиозниками подобной экспозиции в борьбе с верой людей в сверхъестественные силы вряд ли совпадала с действительностью. Известных общепочитаемых святых было не так уж и много. В условиях жесточайшего идеологического прессинга священнослужители не могли полноценно организовать церковную жизнь в плане того же произношения проповедей и доведения информации о жителях святых. С течением времени воцерковленных православных верующих становилось все меньше. В БССР, например, было большое количество инославных, итак считавших православную догматику и культовую практику обманом. Верующие и сомневающиеся могли использовать экспозицию музея как объект тайного поклонения.

Еще больший вред распространению атеизма вскрытие мощей принесло в плане появления новых легенд, мистических явлений. Народная молва передовая зачастую абсолютно фантастические рассказы в условиях противостояния безбожной власти по всем позициям превосходила антирелигиозную пропаганду, создавая почву для нетрадиционной религиозности. Зачастую верующие не убеждались, что показанные при

вскрытия останки являлись подлинными, а не были заменены большевиками или заранее не подмененные монахами, священниками или прихожанами для предотвращения осквернения [20, с. 58–61]. Тем более на местах и сама процедура, и подготовительные работы проводились с нарушениями указаний центральных органов власти, нацеливающих на получение и пропагандистского эффекта, а не только ликвидации «очага мракобесия» [21, л. 17]. Многие вскрытия проводились в вульгарной, оскорбительной для верующих форме с применением насилия, мер устрашения и надругания над останками [22, л. 6–8; 23, л. 59–61].

Непосредственно на территории Беларуси наибольший интерес властей вызвали мощи православных святых: Евфросинии Полоцкой, Софии Слуцкой, младенца Гавриила и католического Андрея Баболи. Мощи преподобной Евфросинии подверглись вскрытию дважды. Первый раз в Ростове, куда они были вывезены в эвакуацию [24, л. 280], и могли быть уничтожены местными богоборцами. В разгар очередного наступления властей на религиозные организации, в связи с проведением кампании по изъятию церковных ценностей по «требованию трудящихся», под предлогом якобы имевшихся в раке преподобной драгоценностей, 13 мая 1922 г. уже в Полоцке было проведено повторно [25, л. 72]. Комиссия по вскрытию мощей пришла к выводу, что труп «мумифицировался вследствие благоприятных почвенных условий». Важным посчитали в заключении мнение археолога Дейниса, указавшего, «что труп плохо сохранился, так как он видал и более хорошо сохранившееся мумии Египетского происхождения» [25, л. 72]. «Разоблаченные» мощи были выставлены для всеобщего осмотра с целью антирелигиозной пропаганды, а 21 мая 1922 г. были увезены в Витебск для организации антирелигиозной экспозиции губернского историко-археологического музея [26, л. 288]. Святыня была вывезена подальше из монастыря от монахов и монашек, и десятилетия спустя «будораживших» местное население и срывающих все показатели по антирелигиозной работе, делаю Полоцкий район худшим по республике [27, с. 174–176].

Власти предполагали нечто подобное еще в 1922 г. После вскрытия в районе началась активная «разоблачительная» кампания, предостерегавшая население: «Тов. крестьяне, крестьянки, рабочие и работницы, красноармейцы и рабоче-крест. молодежь. Запомните духовенству их вековой обман. Научная экспертиза актом ликвидировала таковой, но монахи, попы и монахи, пользуясь невежеством и темной истеричных старух и ненормальных кликуш, будут и в дальнейшем через них сеять черное зло. Им трудно расстаться со своей доходной статьей. Разоблачайте их темные дела. Гоните их от себя подальше! Долой невежество попов и монахинь! Да здравствует свет и разум человека. По «желанию рабочих и красноармейцев» 23 июня 1922 г. были вскрыты мощи Андрея Баболи [28, л. 16, 55]. Этот акт носил серьезный международный характер. Папский престол и правительство Польши стремились вывести святыню из советского государства, руководство которого было не против передачи, однако с условием получения неких дивидендов [29, л. 33]. В 1924 г. мощи были переданы представителям Ватикана и через некоторое время состоялось их дальнейшее прославление, после чего их обрели верующие Польши. Судьба святых останков преподобной Евфросинии оказалась схожа с большинством иных праведников. Они выставлялись для всеобщего обозрения в различных музеях рядом с экспонатами бытовой и хозяйственной принадлежности. Попытка вернуть их верующим не удалась даже поддерживаемым властями обновленцам [30, л. 14 об.]. 21 февраля 1930 г. комиссия в присутствии епископа Слуцкого Николая (Шеметило) «совершила осмотр» мощей младенца Гавриила Белостокского и святой Софии, княгини Слуцкой. После вскрытия мощи были доставлены в Минск [31, л. 138–139].

Для властей неоднозначно стоял вопрос, что делать с мощами. Циркуляр Отдела управления НКВД от 23 апреля 1919 г. «наиболее желательным» считал их доставку в музеи или иные публичные места для всеобщего обозрения, хотя допускалось и оставление их либо в «прежнем», либо в «новом виде» на старых местах [20, л. 59]. Предложения того же ведомства от 29 июля 1920 г. уже требовали их обязательной ликвидации путем передачи в музей или захоронения [20, л. 59]. В постановлении от 25 августа 1920 г. единственным способом уже указывается передача их в музей [18, л. 75]. В постановлении СНК РСФСР от 29 июля 1920 г. указывалось на необходимость уголовного преследования «в случаях обнаружения шарлатанства, фокусничества, фальсификаций и иных уголовных деяний, направленных к эксплуатации темноты как со стороны отдельных служителей культа, так равно и организаций бывших исповедных ведомств» [20, л. 60]. Подобное давление и надругательство над мощами и религиозными чувствами верующих вызывали возмущение противоречащей даже советскому законодательству и постановлениям СНК и самой Конституции кампании. Православные верующие по-своему отвечали на действия властей. К 1920 г. наметился общерелигиозный подъем в массах. Храмы наполнялись молящимися. Авторитет духовенства резко вырос. Очевидец тех событий, историк И. Стратонов, сообщает: «Внутренний рост церковного самосознания достиг той высоты, равной которой не было последние два столетия» [32, с. 36].

Уже само вскрытие было кощунственно для верующих, а предполагаемое их уничтожение за ненужностью могло значительно усилить и радикализовать ряды антиправительственных сил. По стране поднималось немалое волнение по данному поводу в придачу к имевшим место в начале 1920-х гг. массовым восстаниям по всей стране [33, л. 16]. В БССР бандитизм был обычным явлением [34, л. 126]. Власти не контролировали ситуацию и после второго провозглашения советской власти. Высшее партийное руководство через НКЮ в апреле 1921 г. обвинит местные органы в плохой организации кампании. Ука-

жет на необходимость широкой предварительной агитационной работы, «чтобы смысл советского мероприятия был вполне понятен широким трудовым массам» [20, л. 61]. Как будто наверху не знали настроений граждан. Предположить получение молчаливого согласия хоть какой-то значимой части населения со столь кощунственной акцией назвать иначе как провокация невозможно. Это уже был не 1917 г. или 1918 г., когда секуляризационные настроения вселяли оптимизм в безбожников. Военственные настроения высших антирелигиозников, жалевших о том, что не все мощи были осквернены и уничтожены, после 1922 г. стали уже не актуальны. Не принеся антирелигиозникам быстрых дивидендов кавалерийская атака сменилась длительным периодом очернения, разоблачений и осмеяния, безусловно, сыгравших на руку безбожию.

Еще одной причиной, по которой верующие должны были отказаться от веры и церкви, были так называемые «расстриги», когда священнослужители публично заявляли о снятии с себя сана. Собственно ничего удивительного в этом не было. До революции сословный характер вынуждал многих, в том числе и неверующих «поповичей» идти по стопам отца. Революционными и радикальными политическими идеями были проникнуты даже некоторые монахи, не говоря уже о семинаристах. Сама система стимулировала наличие клириков-требников. Многие становились таковыми по чисто меркантильным и карьерным соображениям. Коренным образом изменилась ситуация после 1917 г. Часть не по вере принявших сан сразу же перешли на гражданскую службу. Наиболее ярким и омерзительным примером являлся М. Галкин. Сняв с себя сан, он примкнул к наиболее радикальным безбожникам во главе с Л.Д. Троцким. Из под его пера вышли десятки пасквилей. Но оставшиеся в большинстве своем, в отличие от дореволюционных казенных требников, являлись для населения духовными, да и политическими авторитетами, которых партийным и государственным структурам необходимо было изолировать от общества. Физическое уничтожение и заключение под стражу были допустимы не всегда, а добровольное снятие сана имело и пропагандистский эффект. Священнослужители и члены их семей в условиях советской власти подвергались самым что ни на есть жестким гонениям и ущемлениям. Они были первыми претендентами на привлечение к «революционной ответственности». Священнослужители и члены их семей подвергались значительным ущемлениям семейно-бытового характера: невозможность трудоустройства для получения средств к существованию, невозможность дать образование детям, стеснение по жилищным вопросам, непомерное налогообложение и т.д. [35, л. 210]. Они находились под постоянным контролем и давлением ВЧК-ГПУ-НКВД [36, л. 112]. Законодательство гарантировало снятие этих ограничений в случае отказа от сана [37, л. 10–13], при условии публичного отречения [38, л. 3]. Об этом выдавалась и официальная справка: «Дана таковая бывшему священнику Юровичской церкви Полоцкого района Никоновичу Якову в том, что он действительно отказался от службы священника со снятием сана и согласно его ходатайства восстановлен в трудящихся граждан» [39, л. 98]. Справка выдавалась областным исполнительным комитетом на основании решения президиума.

На верующих это должно было, по мнению антирелигиозников, произвести впечатление по нескольким причинам. Во-первых, священнослужитель должен был заявить о том, что религия это обман, что он все время обманывал верующих, что Бога нет это выдумка. Во-вторых, раз Бога нет, то и церковь не нужна, а клирики на самом деле есть просто враги советской власти, главной целью которых является одурманивание темных масс и получение экономических дивидендов. Безусловно подобные действия не вызвали положительной реакции верующего населения. Пастырь все-таки являлся неким нравственным идеалом, и здесь стоит учитывать моральные характеристики отрекшихся от сана. Пользовались ли они авторитетом, не были ли они чрезмерно сребролюбивы, добросовестно ли исполняли свои обязанности [40, с. 217], да и были ли они действующими священниками, а не изгнанными или не принятыми верующими [41, л. 209]. Отсутствие действенной церковной власти, стесненные обстоятельства, страх расправы оказывали влияние и на дисциплинированность, и на профессионализм, да и на порядочность служителей культа. При всем сомне новомученников, по разным причинам отошедших от служения, было достаточно. Отречение подобного «пастыря» верующим зачастую толковалось так, «что у Бога могут быть плохие попы, как и в компартии бывают примазавшиеся» [42, л. 167]. Расстриги, безусловно, подрывали авторитет религиозных организаций в какой-то конкретной местности или в глазах неофитов, но на значительное количество населения произвести впечатление не могли. Раскрытие «обмана» человеком, обманывавшим своих братьев по вере, внешне эффективный, но сомнительный способ распространения атеистического мировоззрения.

Согласно учению марксизма-ленинизма и решениям компартии главным орудием в борьбе с «темнотой» и невежеством масс должно было стать естественное, «проникнутое идеями воинствующего материализма». Тот же В.И. Ленин указывал в своем философском завещании «О значении воинствующего материализма»: «Было бы величайшей ошибкой и худшей ошибкой, которую может сделать марксист, думать, что многомиллионные народные (особенно крестьянские и ремесленные) массы, осужденные всем современным обществом на темноту, невежество и предрассудки, могут выбраться из этой темноты только по прямой линии чисто марксистского просвещения. Этим массам необходимо дать самый разнообразный материал по атеистической пропаганде, знакомить их с фактами из самых различных областей жизни, подойти к ним и так и этак для того, чтобы их заинтересовать, пробудить их от религиозного сна, встряхнуть их с самых различных сторон, самыми различными способами и т. п.» [4, 46].

Партийным руководством было принято несколько постановлений о приоритетности агитационно-пропагандистской работы в борьбе с религиозностью населения. В дальнейшем они постоянно повторялись в решениях высших партийных структур, но смысл их был неизменным – «религиозные предрасудки» (религиозные верования – *И. Я.*) чужды советскому обществу. В головах людей необходимо было сформировать устойчивые представления о нереалистичности всего, что нельзя было осязать органами чувств человека. Материалистическое представление о мироздании как основной постулат коммунистического учения стимулировало стремление к получению и освоению научных знаний. Это являлось ответом на вызовы современности, а именно: необходимости технологического прорыва российской промышленности; выведения на современный уровень культуры земледелия; поднятия общего уровня грамотности населения, формирования системы высшего образования. Популяризация знаний о природе, об устройстве вселенной, об агрономии, о здоровье и строении человеческого тела большевиками искусственно должны были противопоставить религиозным верованиям, учениям и действиям.

Обвинение религии в отрицании медицины не имели под собой оснований. Лишь некоторые культы не допускали медицинского вмешательства. Апостол Лука, целитель Пантелеимон да и современник епископ Лука Войно-Ясенецкий были врачами. Молитва священника предвляла лечение, сопровождала, но никогда его не заменяла. Имевшие место те или иные формы материального пожертвования страждущего или его родственников трактовались как мошенничество, не смотря на их добровольный характер. Уже сама просьба священнослужителя перед Богом, а тем более использование той же освященной воды или елей рассматривалось властями как шарлатанство. Массовое распространение знахарства и иных видов окултно-мистической деятельности были прямым следствием атаки на традиционные конфессии. При низком уровне медицинского обслуживания «бабки» и травники порой становились единственной надеждой. С этим явлением церковь также боролась.

Еще менее убедительными были обвинения религии в препятствии развитию науки. И если в отношении научного атеизма и научного коммунизма это было вполне оправдано, то в отношении тех же математики, физики, химии и даже астрономии было искажением действительности, которую общественность не могла принять. Имевшие место действия РКЦ в отношении Н. Коперника, Д. Бруно и некоторых других ученых являлись достоянием прошлого. Обвинения того же М.В. Ломоносова в адрес РПЦ в сдерживании развития науки в России в советской действительности также были уже не актуальны [43, с.133–135]. Получивший в 1918 г. Нобелевскую премию по физике М. Планк говорил: «Религия и наука несколько не исключают друг друга, как это полагали раньше и чего боятся многие наши современники; наоборот, они согласуются и дополняют друг друга» [44, с. 599]. Да и тем более мыслящие и образованные граждане не могли не замечать технологическую отсталость народного хозяйства безбожной страны от ее клерикальных соседей.

Большое значение антирелигиозники придавали религиозным праздникам, выполнению треб и сохранению традиций. В.И. Ленин говорил о недопустимости надругания над праздниками, которые, по его мнению, для многих верующих были гораздо более значимы, чем таинство и богослужение. И на самом деле именно «святы», крестины, свадьбы, посты, крестные ходы являлись главными атрибутами участия верующего в жизни своей церкви и значимым источником поступления средств. Ту же Православную церковь во многом справедливо упрекали, что, утратив соборность после реформ Петра I, она стала структурой по исполнению треб. Имевшей место ситуации антирелигиозники решили придать и контекст шарлатанства. Еще в работе «Анти-Дюринг» Ф. Энгельс писал, что «всякая религия является ни чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют в их повседневном существовании, отражение, отражение, в котором земные силы принимают форму неземных, сверхъестественных» [4, с. 45]. Большевикам предстояло «окончательно разоблачить земную сущность религии» на практике. Сначала необходимо было подвергнуть разоблачительной критике священные писания, излагавшие основы вероучений и культовых практик. Показав верующему, что Библия, Тора, Коран – это сбор произведений чуть ли ни народного, фольклорного происхождения, безбожники подвергли сомнению существование и главных их персонажей. Доказывая неисторичность личностей Иисуса Христа, Моисея, Мухаммеда и других почитаемых верующими святых, не говоря уже о неком невидимом и неосязаемом «боге» Саваофе или Аллахе, богоборцы указывали на бессосновательность существования религиозных праздников в силу отсутствия первопричины. Одним из способов доказательства несостоятельности христианства были утверждения, что современные научные дискуссии ведутся не о том, был ли Иисус Христос сыном Божиим, а том, был ли такой персонаж в истории вообще [45, л. 3]. Более того, Е. Ярославскому удалось доказать «земное происхождение» праздников, разоблачить «тайны религиозных культов, обнажить корни происхождения этих культов и показать религию такой, какая она есть, без всяких покровов» [46, л. 59]. В то же время именно эти самые праздники явились одним из основных объектов нападков богоборцев. Во-первых, обосновывалось их земное происхождение, связь с земными культами и прямая заинтересованность в большем количестве праздников священнослужителей [47, л. 55]. Религиозные праздники показывались исключительно опасными для общества. Пьянство, травматизм, убийства, изнасилования указывались как основное содержание подобных мероприятий [48, л. 158–160; 49, с. 26–29]. Во-вторых, параллельно шло «разоблачение» таинств. Исповеди, например, как способа получения информации для дальнейше-

го ее использования против искренне признавшегося в недобросовестном поступке прихожанина. Таинство причастия кроме «несуразности» принятия тела и крови «не существующего исторического персонажа», несло угрозу распространения инфекционных заболеваний, как и сами храмы «являлись» очагами эпидемий [50, л. 13]. Миквы также объявлялись рассадником «антисанитарии» [51, л. 228].

Пропагандистами ставился вопрос: зачем на мероприятия с такими негативными последствиями граждане должны были тратить свои кровно заработанные деньги. Семьи долгое время собирали средства для того, чтобы разбазарить их за несколько дней гулянок. Серьезную озабоченность вызывал и факт отрицательного влияния религиозных праздников на производительность труда. Добиться выхода на работу верующих в эти дни было весьма проблематично, приступившие к работе зачастую находились в состоянии алкогольного опьянения различной степени тяжести [52, л. 16]. Все же вышедшие на работу граждане вместо отдыха по вечерам отмечали праздники, чем ухудшали производительность труда на следующий день. Примитивное сведение в агитационных материалах праздников к застолию и разыгрыванию театральных постановок наводило на прямые параллели с официальными мероприятиями и поведением представителей власти. В большинстве своем казенные, недостаточно хорошо по объективным и субъективным причинам организованные вечера, митинги, диспуты, «комсомольские рождества» и «комсомольские пасхи» даже в зрелищности проигрывали, что для некоторой части населения было так же важным. Употребление алкогольных напитков с 1922 г. становится серьезной проблемой. Партийцы, комсомольцы, руководители иных уровней массово уличались в этом [53, л. 106]. Тем более данный процесс был причиной ненормального отношения к населению [54, л. 80–84].

Таким образом, проведенное исследование показывает, что главной задачей антирелигиозников в советском государстве являлся показ веры в сверхъестественное, как выдумки, человеческой фантазии, поддерживаемой небольшой частью людей с целью эксплуатации остального населения. Главный лозунг – религия – это ложь, религиозные действия – это обман, осуществляемый кликой нечестных людей. Антирелигиозники сконцентрировали свое внимание на компрометации наиболее востребованных верующими религиозных действий и атрибутов. На это их нацеливали и широко популяризируемые идеи К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина по насаждению атеизма, и стремление уменьшить религиозность населения любыми способами. Интересы верующих учету не подлежали. Распространение знаний о природе, человеческом теле, здоровье, культуре земледелия, об устройстве вселенной и т.д., как способ борьбы с верой в сверхъестественное, могло стать массовым только с поднятием общего уровня грамотности, достаточным развитием высшего образования и науки. Не факт, что это позволило бы сделать атеистом истинно верующего человека, но и подобный результат достичь в 1920–1930-е годы не представлялось возможным. Изменения социально-бытовых условий в лучшую сторону не могли быть столь стремительны как планы по распространению безбожия. Поэтому с тактической точки зрения агрессивное наступление на основы вероучений действующих религиозных организаций и наиболее значимые элементы культовой практики было мерой вынужденной и оправданной, по мнению ответственных за данное направление деятельности партийцев, хотя и слабо эффективной. Сами по себе развитие науки, техники и технологий, агрокультуры, народно-хозяйственные преобразования как достижения советского режима не ассоциировались у верующих со сдерживающими эти процессы факторами. Большинство безбожных работников, осознано или нет, не отличали борьбу с религиозностью населения от мероприятий по формированию отрицательного восприятия верующими клира и церковных организаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов, С.В. Нравственность и религиозность хозяйственной деятельности русского крестьянства / С.В. Кузнецов // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв. – М. : Наука, 2001. – 168–182 с.
2. Логинов, А.В. Власть и вера. Государство и религиозные институты в истории и современности / А.В. Логинов. – М. : БРЭ, 2005. – 238 с.
3. Булгаков, С.Н. Православие: Очерк учения Православной Церкви / С.Н. Булгаков. – М. : Терра, 1991. – 312 с.
4. О религии и церкви : сб. высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. – М. : Политиздат, 1977. – 144 с.
5. Глан, Я. Антирелигиозная литература за 12 лет (1917–1929) / Я. Глан. – М. : Безбожник, 1930. – 256 с.
6. Ярославский, Е.М. Библия для верующих и неверующих / Е. М. Ярославский. – Ленинград : Лениздат, 1975. – 398 с.
7. Кандидов, Б. Легенда о Христе в классовой борьбе / Б. Кандидов. – М. : Атеист, 1929. – 80 с.
8. Сталин, И.В. Собрание сочинений / И.В. Сталин. – М. : Политиздат, 1949. – Т. 6. Об очередных задачах партии в деревне. – С. 302–312.
9. 50-летие декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» : труды республиканской научной конференции. Гродно, 8-10 фев. 1968 г. / редкол. Г.А. Мартиросов. – Минск : Выш. шк., 1969. – 234 с.
10. Карпов, В.В. Генералиссимус : историко-документальное издание : в 2 кн. / В.В. Карпов. – М. : Вече, 2004. – Кн. 1. – 464 с.
11. Лукачевский, А. Безбожники строите колхозы / А. Лукачевский. – М. : Безбожник, 1930. – 13 с.
12. Грекулов, Е.Ф. Православная церковь – враг просвещения / Е.Ф. Грекулов. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – 192 с.
13. Красиков, П.А. На церковном фронте : (1918–1923) / П.А. Красиков. – М. : Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. – 311 с.

14. Кашеваров, А.Н. Православная российская церковь и советское государство (1917 – 1922) / А.Н. Кашеваров. – М. : Изд-во Крутицкого подворья, 2005. – 437 с.
15. Бонч-Бруевич, В.Д. Воспоминания о Ленине / В.Д. Бонч-Бруевич. – М. : Наука, 1969. – 518 с.
16. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. – М. : Политиздат, 1969. – Т. 50. – 633 с.
17. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. А 353. Оп. 2. Д. 691.
18. Законодательство о религиозных культах : сб. материалов и документов / под ред. В.А. Куроедова. – М. : Юрид. лит., 1971. – 336 с.
19. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 гг. : сб. : в 2 ч. / сост. М.Е. Губонин. – М. : Изд-во Православ. Свято-Тихон. богосл. ин-та, 1994. – 1063 с.
20. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство 1917–1941. Документы и фотоматериалы. – М.: Изд-во Библиейско-Богословского ин-та святого апостола Андрея, 1996. – 218 с.
21. ГАРФ. – Ф. А 353. Оп. 5. Д. 240.
22. ГАРФ. – Ф. 130. Оп. 1. Д. 211.
23. ГАРФ. – Ф. А 393. Оп. 1. Д. 111.
24. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 1821. Оп. 1. Д. 425.
25. Зональный государственный архив в г. Полоцке (ЗГАП) – Ф. 51. Оп. 1. Д. 91.
26. ГАВО. – Ф. 1947. Оп. 1. Д. 43.
27. Янушевич, И.И. Антирелигиозная деятельность в Полоцком районе в контексте общественно-политической ситуации в БССР в 1937–1941 гг. // Беларускае Падзвінне: вопыт, metodyka і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў : зб. навук. арт. II міжнар. навук. канф., Полацк, 17-18 крас. 2014 г. : у 2 ч. – Наваполацк, 2014. – Ч. 2. – С. 171–177.
28. ГАРФ. – Ф. А 353. Оп. 6. Д. 171.
29. Палюшкевіч, Ф. Да праліцця крыві. Святы Андрэй Баболя. – Мінск : Про Хрысто, 2001. – 52 с.
30. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 13.
31. Кривонос, Ф. У Бога мертвых нет. Неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 гг.) / Ф. Кривонос. – Минск : МФЦП, 2007. – 239 с.
32. Стратонов, И.А. Русская церковная смута 1921–1931 гг. / И.А. Стратонов // Из истории Христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии. – М. : Крутицкое патриаршее подворье, 1995. – С. 245–401.
33. Государственный архив Гомельской области. – Ф. 161. Оп. 1. Д. 21.
34. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2516.
35. ГАРФ. – Ф. 5263. Оп. 1. Д. 7.
36. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1104.
37. ГАРФ. – Ф. 5407. Оп. 2. Д. 38.
38. ГАРФ. – Ф. 5407. Оп. 2. Д. 39.
39. ЗГАП. – Ф. 104. Оп. 1. Д. 42а.
40. Цыпин, В. Русская Церковь (1917–1925) / В. Цыпин. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 1996. – 189 с.
41. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Ф. 9. Оп. 19. Д. 418.
42. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 7. Д. 760.
43. Олещук, Ф. Борьба с религией – борьба за социализм / Ф. Олещук. – М. : Изд-во ВЦСПС, 1931. – 62 с.
44. Закон Божий / сост. С. Слободской. – Минск : ЗАО «Православная инициатива», 2004. – 732 с.
45. Звезда. – 1926. – № 9.
46. Ярославский, Е. Как рождаются, живут и умирают боги / Е. Ярославский – М. : ГАИЗ, 1938. – 260 с.
47. ГАРФ. – Ф. 5407. Оп. 2. Д. 27.
48. Российский государственный архив социально политической истории. – Фонд 2. – Оп. 1. – Д. 22947.
49. Шейнман, М. Религиозность и преступность / М. Шейнман. – М. : Безбожник, 1927. – 101 с.
50. ГАРФ. – Ф. 5263. Оп. 1. Д. 62.
51. ГАРФ. – Ф. 5263. Оп. 1. Д. 63.
52. ГАООГО – Ф. 451. Оп. 20. Д. 313.
53. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2510.
54. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 10990.

**DISCREDITON RELIGION AND THE CHURCH BY THE COMMUNIST PARTY
AND STATE INSTITUTIONS: TASKS AND ACHIEVEMENTS (1917–1941)**

I. YANUSHEVICH

The article carries out an analysis of the activities of the Communist party and government institutions in the fight against religion among the population on the basis of archival materials. It is established that in order to achieve the maximum effect of the propaganda against religion the information about the church was presented exclusively in a negative way, indicating the harmfulness of religious institutions in the modern society. Any creed was defined as a temporary phenomenon to be destroyed in the near future. The article shows the administrative support in forms and methods of anti-religious activities, as well as identifies the most important programs against the population creed and the expected results of such activities. Materialistic ideas of Marxism–Leninism were not enough for direct work with people. In the article the mechanisms of implementing the ruling party ideological aims and the reasons of low effectiveness of these measures are specified.

Keywords: anti-religious work, Orthodox Church, materialistic outlook.